

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

По Оби, вверх по течению, шёл и низким трубным голосом гудел пароход. Здоровался со встречными судами, предупреждал о своём прибытии, подходя к пристаням. Шлепая плицами огромных колёс, тяжело вздыхая своим машинным нутром, белый двухпалубный красавец неторопливо преодолевал могучее течение великой сибирской реки.

После семи лет странствования по городам и весям, как говаривали в старину, весной 1952 года я возвращался на свою родину, в Кузбасс. Возвращался не один, с семьёй – женой и семимесячной дочкой.

К концу вторых суток показался Новосибирск. А еще через сутки на старом кемеровском вокзале, под боком у пышущих огнём печей коксохимии нас встречали мои родители.

Отдохнув после дороги день-два, мы стали искать работу. Я обратился в Кемеровский Облрадиокомитет. Мне повезло. На радио диктором работала моя старая знакомая Кира Донбай-Бровикова. Она взялась составить мне протекцию.

Назначили прослушивание. В аппаратную – я видел через окно, соединяющее её со студией, – пришли председатель Комитета Екатерина Исакова – красивая видная женщина, еще несколько человек из редакций, которых тогда я еще не знал. Некоторые навыки работы у микрофона у меня были – на городском радио в городе Колпашеве и ранее, в армии. Я прочел у микрофона несколько страничек из вчерашнего выпуска «Последних известий», объявки к концертным номерам, еще что-то. Мне сказали, чтобы я приходил вечером вести концертную программу.

Таким вот образом я оказался на довольно-таки престижной по тем временам работе, определившей, как по-

том оказалось, всю мою дальнейшую судьбу. В течение ряда лет по проводному кузбасскому вещанию и в эфире, на область, через Новосибирскую радиостанцию РВ-76, по утрам и вечерам звучали передачи, заканчивающиеся словами: «Текст читали Кира Бровикова и Федор Ягунов». Забегая вперёд, скажу, что в Кемеровском облрадиокомитете я встретил доброжелательное к себе отношение и нашел здесь настоящих друзей.

Радиокомитет был создан в 1943 году, сразу после образования Кемеровской области. По численности это был небольшой коллектив. Он состоял из председателя Комитета, главного редактора и семи-восьми литсотрудников, здесь их называли редакторами, то есть ведущими определённую тему, рубрику, передачу... как хотите. Кроме того, были два диктора, два звукооператора, две машинистки, шофёр «полуторки» и, разумеется, уборщица. Располагался радиокомитет в нескольких комнатах третьего этажа правого крыла всем известного тогда в Кемерове Дворца Труда.

Дворец Труда был построен в 1927 году из дикого камня в числе самых первых в городе каменных общественных зданий – горбольницы и госбанка. Несмотря на то что на строительстве применялся исключительно ручной труд и гужевой транспорт, здание было построено всего за десять месяцев и приурочено к 10-й годовщине Октябрьской революции. Дворец Труда был настоящим культурным центром молодого города. Ко времени моего поступления на радио в нём размещались драмтеатр, филармония, краеведческий музей, Дом народного творчества и библиотека. Все учреждения имели, разумеется, статус областных.

В областную библиотеку охотно приняли мою жену, имевшую библиотечное образование. Так мы оба нашли

себе работу в одном здании, даже в одном его крыле. Наша жизнь в Кемерове в самом начале сложилась весьма благоприятно.

В КОЛЛЕКТИВЕ ОБЛАСТНОГО РАДИО

Итак, я молод, мне всего 26 лет, я работаю диктором областного радио. Надо оговориться: это была еще дотелевизионная эпоха. Страна была читающей и слушающей. Радио наряду с газетами занимало важнейшее место в средствах массовой коммуникации. Влияние радио особенно возросло в годы Великой Отечественной войны. Популярность, какой пользовался в народе диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан, читавший правительственные сообщения, несравнима с популярностью всех нынешних звезд эстрады. Слово, произнесенное в эфире, имело абсолютный вес и, как считалось, не могло подвергаться сомнению. Достигнуто это было полным исключением какого-либо иного звучания в эфире, кроме государственного. Теперь мало кто знает, что во время той войны было запрещено всякое несанкционированное пользование радиоприёмниками. Все приёмные устройства, имевшиеся у населения, были изъяты до окончания войны. Приёмников вообще было мало. В Кемерове, например, все они хранились в той самой комнате, где была радиостудия, а теперь еще – моё рабочее место.

Ответственность человека, выступающего перед микрофоном, была колоссальной. К микрофону допускались лишь штатные дикторы и в редких случаях – ответственные работники, читавшие своё выступление по заранее написанному и проверенному цензурой тексту. Был только «живой» эфир, никаких предварительных записей не производилось. На моих глазах происходило развитие звукозаписывающей техники, и далее я расскажу об этом.

Всякие оговорки при чтении материала перед микрофоном исключались и были такой редкостью, что случаи, когда диктор ошибался, пересказывались друг другу шёпотом или становились байкой, рассказываемой в узком кругу. Вроде вот такой. Читает Герцик (известный московский диктор тех лет) информацию в «Последних известиях»: «В магазинах Москвы появились в продаже ананасы и бананы...» Машинально он эту фразу произносит так: «... ананасы и бананасы». Чувствует, что ошибся, поспешно поправляется: «Простите, «бананы и ананы...»

При чтении бытовой информации такой проступок могли и простить. Чрезвычайно опасно было оговориться или

допустить какую-то вольность, читая политическую информацию. В особенности, если оговорку можно было истолковать двусмысленно. Можно было не только лишиться работы, но и угодить за решётку.

Работа у микрофона требовала величайшего напряжения. После прочтения тридцатиминутной политической статьи диктор чувствовал себя так, как будто бы разгрузил полвагона угля. Сложность заключалась еще и в том, что довольно часто приходилось читать «с листа», то есть без предварительной подготовки. К тому же иногда не отпечатанный на машинке и вычитанный редактором текст, а написанный от руки.

По утрам, где-то в половине восьмого, передавался обзор газеты «Кузбасс». Редактор, назначенный по графику, вставал рано утром и шёл в редакцию газеты, помещавшейся тогда возле кинотеатра «Москва». Получив там экземпляр только что вышедшей из печати газеты, спешил – на трамвае или просто пешком – к себе на радио, во Дворец Труда. Здесь наскоро просматривал заголовки, выбирал наиболее важную, на его взгляд, информацию. С помощью ножниц, вырезая короткие фрагменты заметок и статей, наклеивал их на листы бумаги, вставляя к этим цитатам торопливо от руки написанные «связки». В день, когда была моя очередь читать утренний «обзор», я вставал в шесть утра, как только оживала радиотарелка на стене нашей комнаты. Попив или не попив чаю, торопился на работу. Хорошо помню, что Дворец Труда был неподалёку от нашего дома. Минут 10–12 быстрой ходьбы, и я на месте. Поскольку мне не надо было пользоваться городским транспортом, я ни разу не опоздал.

В редакции я заставал дежурного редактора уже в мыле, но еще не окончившего работу. С неумолимой быстротой приближалось время эфира. По листочку выдирая из рук редактора «обзор», торопливо просматривал его, делая по ходу необходимую «дикторскую разметку», то есть проставляя ударения, отмечая паузы, поправляя до удобочитаемого состояния редакторские каракули. Зачастую последние листы обзора редактор, крадучись на цыпочках, вносил в студию уже во время эфира.

Но и это были лишь «семечки». Настоящим страхом божьим для дикторов были большие, как правило, тридцатиминутные, пропагандистские статьи, присылаемые из Москвы, из ВРКа – Всесоюзного радиокомитета. «Взёрковские статьи» – называли мы их. Машинописные тексты, размноженные в Москве на гектографе, рассылались по местным радиокомитетам и, как правило, на месте не пе-

репечатавались. А поскольку гектограф, тиражирующий аппарат тех лет, был далеко не совершенным, тексты зачастую были «слепыми», читать их было трудно. Мы – я, и Кира Бровикова – старались получить статью, предназначенную для эфира, как можно раньше. С пером в руках внимательно прочитывали текст, делали свою разметку для логического чтения, исправляя и усиливая наиболее слабо отпечатавшиеся буквы и целые слова. Но случалось, – а такое случалось довольно часто, что подготовленная тобой статья в последнюю минуту снималась с эфира и тебе давали другую, такую же, тридцатиминутную. Почему происходила замена – нам не говорили. Видимо, председатель Комитета получал какие-то экстренные распоряжения из Москвы или из обкома партии, не знаю. Но диктор при включенном микрофоне оказывался вдруг наедине с совершенно незнакомым текстом, в котором – он знал по опыту – могли таиться любые неожиданности. Вот когда требовалась полная концентрация внимания!

Вцепившись рукой в край стола – очевидно, для ощущения прочности – неторопливо и размеренно я произношу пудовые казённые фразы. Среди дикторов в ходу тогда было такое присловье: «Слово – не воробей, поймает – вылетит». Постепенно у меня выработалось умение видеть читаемый текст на строчку-полторы вперед. Это очень нужное умение, оно помогало мне безошибочно, то есть без оговорок и логического сбоя, читать вслух с листа любые газетные материалы.

Кто сейчас знает хотя бы одного диктора московского радио? Сказать по правде, я не уверен, существуют ли они в прежнем качестве вообще. Авторское чтение своих материалов радиожурналистами, при многих положительных сторонах этого явления привело к повсеместному неряшеству эфирного чтения. Я не говорю уже о несоблюдении сплошь и рядом обычных ударений, в особенности в географических названиях. Чтение с «кашей во рту», невыразительность, скороговорка. Представьте себе, если бы в печатном тексте убрали все пробелы, можно ли было бы что-либо понять? Вот такой сплошной беспробельный текст напоминает мне чтение у микрофона многих сегодняшних завсегдатаев эфира.

Владимир Герцик, Эммануил Тобиаш, Ольга Высоцкая, Наталья Толстова, не говоря уже о несравненном Юрии Левитане, были известны каждому. Мы, местные дикторы, учились у них собранности, умению ставить логические ударения, делать насыщенные и оправданные паузы, то есть всему тому, что называется культурой чтения.

ЮРИЙ ЛЕВИТАН

Среди многих встреч с интересными людьми в период работы на радио были и такие, которые запомнились на всю жизнь. Одна из них – встреча с очень известным человеком, которого мало кто знал в лицо. Телевидения еще не было, печатать портреты людей, если они не вожди и не стахановцы, было не принято. Зато голос этого человека, голос удивительной красоты и выразительности, безошибочно и с первого слова узнавали все. Я говорю о дикторе Всесоюзного радио Юрии Борисовиче Левитане.

Во время Отечественной войны говорили, что Гитлер поклялся затопить Москву и повесить Левитана. И вот этот человек-легенда осенью 1958 года приехал в Кемерово. Было это в рамках его поездки по стране для встреч с радиослушателями. В течение двух вечеров перед кассами в старом цирке, которого теперь нет, толпились сотни кемеровчан, желающих увидеть живого Левитана. Надо ли говорить, что цирк был набит до отказа!

За небольшой трибункой у выхода на манеж – стройный, очень молодой еще человек в пенсне. Над высоким покатым лбом густая шапка слегка вьющихся волос. Не помню, был ли перед ним микрофон? Скорее всего, нет. Но каждое слово его, произнесенное негромко, без малейшего нажима, было отчетливо слышно в любой точке большого круглого зала.

О голосе Левитана мало сказать – красивый, у всех дикторов Всесоюзного радио красивые голоса, это голос – державный, он олицетворение, если можно так сказать о голосе, нашей страны и нашей Победы. У всех еще были свежи в памяти тот трепет и та тревога, с которой в дни войны ждали сообщений с фронта.

Знаете, как это было? Вот прошел день, прошел другой, прошла неделя... Никаких важных сообщений. Радио передает обычные сводки. И вдруг... Обрывается на полуслове очередная передача. Какое-то время в эфире тишина. Слышны лишь приглушенные шумы Красной площади. Все понимают: сейчас сообщат что-то важное... Вот зазвучали неторопливые московские позывные – многократно повторяемое начало музыкальной фразы песни «Широка страна моя родная...» Люди ждут. Напряжение нарастает. И вот он, знакомый, неспешный голос: «Говорит Москва!..» По определению Ираклия Андронникова, когда Левитан приступает к чтению правительственных документов, «то самый тембр его голоса, артикуляция, манера произносить фразу, интонация, окраска каждого слова уже предвещает значительность экстренного сооб-

Ю. Б. ЛЕВИТАН (слева) и диктор Кемеровского радио А. В. АНАНЬЕВ

щения». Голос то скорбный: «после упорных боёв наши войска оставили города...», то ликующий: «нашими войсками освобождены...» Мощь голоса нарастает, тональность поднимается выше, выше, и вот уже радость захлёстывает всё существо твоё, названия городов звучат как сладостная музыка. И в конце гневное, резкое, как пощёчина: «Смерть немецким захватчикам!» Вся страна в этот момент живёт одним чувством, в нём – радость и надежда.

И вот он, этот легендарный человек, здесь, на манеже Кемеровского цирка. Почему цирка? Да потому что это был самый большой зал города. Для начала Левитан прочёл что-то вроде лекции о роли радио в Великой Отечественной войне. Потом посыпались вопросы. Всех интересует, как это происходило? Многие думали: вызывает Сталин, говорит с характерным грузинским своим акцентом: «Товарищ Левитан. Наши доблестные войска опять отличились. Мы посоветовались, и я подписал Приказ. Вы должны немедленно довести его до всего человечества». Конечно же, это не так, никакого личного общения вождя с молодым диктором не было...

Левитан отвечает на вопросы, приводит интересные подробности. На, разумеется, самые волнующие моменты, когда он, иллюстрируя свой рассказ, своим неповторимым «левитановским» голосом читает отрывки из правительственных сообщений времён войны.

Мы, работники радио, сидим на узких скамейках нашего старого цирка и вместе со всеми горячо аплодируем этому человеку. Но нам повезло куда больше, чем всем остальным в этом зале. Не далее, как вчера, сразу после приезда в Кемерово, Юрий Борисович приходил к нам во Дворец Труда, в наш маленький радиокomitee. Мы общались с ним более двух часов. Расспрашивали не только мы его, но и он нас. Потом он зашел в нашу единственную студию, посидел за нашим дикторским столом. Сказал, что речевые студии в Путинковском переулке, откуда читались приказы Верховного Главнокомандующего, были еще меньше, чем наша. Там были такой же дикторский стол перед окном в аппаратную, три стула и большой динамик в углу.

Мы узнали, что во Владимире, где Юрий Борисович родился и учился в школе, он очень увлекался радиолюбительством и читал стихи в школьной самодеятельности. В чтении стихов старался подражать диктору Лебедеву и еще Абдулову, диктору-артисту Всесоюзного радио, великолепно читавшему юмористические рассказы.

Когда в 1931 году после девятилетки Юрий приехал в Москву, на конкурс дикторов, Осип Наумович Абдулов, председатель конкурсной комиссии, прослушав его, сказал:

– Не знаю, что с тобой делать? Голос у тебя, конечно, звучит, ничего не скажешь. Но у тебя всего лишь девятилетка... Это-то, допустим, ладно, наверстаешь. Но как быть с твоим владимирским говорком? Тебе сколько лет?

– Восемнадцать, – ответил Левитан, выпячивая как все жители Поволжья букву «о».

– Вот то-то и оно! – забавно спародировал Абдулов оканье парня.

Уговорил Левитан строгую комиссию. Пообещал исправить недостаток своего произношения. Его оставили. Но поначалу он работал в студии помощником диспетчера: проверял поступление микрофонных материалов, явку исполнителей. Жить ему было негде, он ночевал в редакции. Зато с утра и до ночи мог наблюдать за работой мастеров и учиться у них. Был счастлив, когда дикторы доверяли ему прочитать у микрофона объявления или провести концерт в записи.

Его заметили. Он стал читать в паре с опытными дикторами выпуски радиогазеты, как тогда назывались «Последние известия». Диктор Н. Толстова отмечала, что, несмотря на отсутствие опыта, у него пробивались очень верные интонации, «изумительное умение в ворохе слов найти главное и, «ударив» по нему, «раскрыть смысл всей информации».

В 1934 году ему оказали величайшее по тем временам доверие, поручили чтение в эфире текста доклада И. Сталина на XVII съезде партии. Он справился с этим блестяще. Это и было началом уникального явления в нашем отечественном радиовещании, имя которому Юрий Левитан. А было ему тогда всего 20 лет.

Помню, во время встречи у нас, в радиокомитете, кто-то, кажется, Миша Ялин, спросил:

– Юрий Борисович, у вас, наверно, в войну была специальная охрана?

Я запомнил этот момент, видимо, потому, что услышав этот вопрос, Левитан, человек внешне очень серьёзный и не улыбочивый, впервые за всю встречу как-то очень простодушно рассмеялся, потом, вновь став серьёзным, ответил:

– Нет, конечно. Никакой охраны у меня не было. Я был обыкновенным диктором Всесоюзного радиокомитета и даже не с самой высокой зарплатой. Но ограничения были. Никто ведь заранее не знал, когда может появиться важное правительственное сообщение. Поэтому в любое время и даже ночью меня могли вызвать на работу. В годы войны я не мог уйти из радиокомитета, не оставив свои точные координаты.

Как мы поняли из его рассказа, его могли извлечь из постели, из зрительного зала театра, с дружеской вечеринки. И он всегда – понимаете, всегда! – был обязан быть в форме.

А этот вопрос, точно помню, задал Холодок:

– Что ж вы, извините, и выпить никогда не могли?

– Профессия диктора, – ответил Левитан, – требует умения в нужный момент сконцентрироваться, собрать себя в кулак.

Он научился усилием воли мгновенно трезветь, лишь только его привозили в студию, и в руках у него оказывалась папка с правительственным сообщением.

...У меня есть фотография, снятая мной в тот день, 20 октября 1956 года, в нашей редакционной комнате. На фотографии Ю.Б. Левитан и наш диктор Саша Ананьев, мой преемник за дикторским столом. Попросить Юрия Борисовича сняться и со мной тоже я постеснялся.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАШИ СРЕДСТВА

Я не застал время, когда весь радиокомитет помещался в одной-единственной комнате с задрапированными окнами. Старожил радио Кира Ивановна Бровикова рассказывала мне:

– Комната-студия была заставлена обычными канцелярскими столами. За ними работали сотрудники редакции. Названивая по телефону или беседуя с внештатным репортёром, они готовили выпуски «Последних известий», другие передачи. Машинистка здесь же перепечатывала тексты. Потом микрофонные папки везли в Обллит – так называлась цензура. После этого они попадали в руки дикторов. Машинописные листы, как правило, пестрели исправлениями, вычерками. Мужского голоса у нас тогда не было. До меня, – говорит Кира Ивановна, – диктором работала Брагина. При мне приняли Маякову. Мы наскорю просматривали тексты. Когда подходило время эфира, мы просили всех сотрудников выйти в коридор. Задёргивали окна тяжёлыми суконными шторами. Над дикторским столом загоралось табло: «Микрофон включен», и мы начинали передачу.

Я пришел на радио, когда уже Комитет располагал всеми комнатами на третьем этаже правого крыла Дворца Труда. В первые годы моей службы на радио мы работали только в живом эфире. Лишь радиоконцерты, которые ежедневно звучали по радио, давались с граммофонных пластинок. Они хранились здесь же в студии, в большом шкафу. На дикторском столе стоял патефон. Правда, уже не с пружиной, которую надо было подкручивать, а с электроприводом. Диктор, ведущий концерт, сам объявлял «номера», сам же ставил приготовленные музыкальным редактором пластинки. Никакого устройства для микширования, то есть для регулировки силы звука, не было. Когда, скажем, в литературных передачах предусматривалось музыкальное оформление, поступали так: «Начинаем литературную передачу» – произносил в микрофон диктор и запускал патефон. Звучало музыкальное вступление. Но вот актёр начинал чтение текста. Чтобы не заглушать его голос, диктор брал патефон на руки и отходил с ним в глубь студии. Музыка звучала тише...

Но в моё время уже были известны магнитофоны. В основном трофейные, иностранного происхождения. Отдельные счастливицы, вроде известного ленинградского радиорепортёра Лазаря Маграчева, на зависть нам, ими пользовались. У нас в Кемерове были две звуковые установки, о которых следует рассказать особо.

Первая – шоринофон, аппарат, названный по имени Александра Шорина, советского изобретателя в области радио, телеграфии и звукозаписи. Звук записывался на обычную киноленту, где не было изображения, а была только звуковая дорожка. Шоринофон использовался в радиовещании лишь для записи и воспроизведения крупных форм – симфоний, спектаклей, опер.

Другая звукоустановка напоминала огромный патефон. Аппарат писал звук на шеллачную пластинку. Этот способ звукозаписи, кроме неизбежного шипения, страдал еще одним существенным недостатком – из него нельзя было «вырубить» ни единого слова. В «моё время» эта установка для радиовещания почти не применялась. Зато мы, молодёжь радиокомитета, пользовались ею для своих надобностей. Тогда в моде были записи «на костях», то есть на старых рентгеновских плёнках. В тайне от начальства мы записывали на них какие-то полулегальные песни. Или еще так. Пригласили меня, скажем, на день рождения. В подарок приношу чёрный пакет с рентгеновской плёнкой. При скоплении гостей ставлю плёнку на проигрыватель и, к восторгу собравшихся, из динамика раздаётся примерно следующее, сказанное моим голосом: «Дорогая, Тоня! Поздравляю тебя с Днем рождения, желаю тебе... А теперь лично для тебя мой друг Паша Кадочников исполнит... Паша, давай!» Звучит модная, переписанная с пластинки, песенка в исполнении популярного артиста. Повторюсь: было это в домагнитофонную эпоху.

Однако дни всех этих приборов консервации звука были уже сочтены. Позиции в радиовещании уверенно завоевывал магнитофон. Первый такой аппарат, появившийся на Кемеровском радио, произвел настоящий фурор. Один из первых звукооператоров радио Юрий Командиров рассказывал мне, что они танцевали от радости, когда, записав на этот «МАГ-29 А» рояль, услышали, что и в записи он звучит точно так же, безо всякой детонации. Никогда не забуду, как я первый раз слушал дома по радио свой собственный голос, записанный на плёнку. Казалось бы, всё понятно, но ощущение какого-то колдовства долго не покидало меня.

С появлением магнитофона закончилась эпоха живого радио. Всё большее число передач стало даваться в записи. До этого эфиром, как я уже говорил, безраздельно владели мы, дикторы. Более или менее поставленными голосами мы не говорили, мы вещали. Речь с простыми разговорными интонациями была редкостью. Да и обычные люди, граждане, выступали по радио нечасто. Жесточайшая цензура не допускала ни малейшего отклонения от заранее утверждённого текста. Все выступления читались по бумажке, появлением магнитофона привлечение в пере-

дачи, как тогда говорили, трудящихся стало возможным. Исчезла главная препона: всякие оговорки, которые считались недопустимыми в радиовещании, теперь легко вырезались при монтаже.

Нынешнему радиожурналисту, работающему с лёгоньким магнитофоном на батарейках, трудно представить себе первый, полученный наш так называемый портативный магнитофон «МЭЗ-8». Он представлял собой три деревянных ящика общим весом около 60 килограммов, работавшие от сети. Но это был уже прорыв! Появилась возможность записи внестудийных передач.

ТВОРЧЕСКИЕ РАБОТНИКИ

Когда нас посетил Юрий Левитан, у нас была уже настоящая, по всем правилам оборудованная речевая студия. Полная звукоизоляция, двойные двери, окно – только в аппаратную, по стенам – акустические короба, на полу – ковёр.

Согласно Приказу председателя Комитета от 7 декабря 1951 года, на областном радио действовали две главные редакции: «Последних известий» и общественно-политическая. В неё входили редакция передач по народному хозяйству, детская, музыкальная, позднее к ним добавилась литературная редакция. Почти все они размещались в самой большой комнате, бывшей студии. Получалось, что ни стол, то редакция. В начале пятидесятых в «Последних известиях» работали Костя Миронов и Лидия Токарева. Стенографисткой, принимавшей по телефону сообщения собственных корреспондентов с мест, все эти годы была Зина Русакова. Передачами по промышленности занимались Михаил Ялин и Василий Дубский, сельским хозяйством – Илья Мякишев. Еженедельную передачу для детей «Пионерский сигнал» делал Василий Холодок, музыкальные передачи – Нина Козловская.

В конце 40-х – начале 50-х годов все города и большинство сельских районов Кузбасса были охвачены проводным вещанием, существовали местные редакции радиодинамиков с одним или несколькими работниками. В книге приказов упоминаются Прокопьевская, Сталинская, Беловская, Анжеро-Судженская, Мариинская, Гурьевская, Киселевская, Яшкинская и другие радиоредакции. Управлялись они «уполномоченными радиокомитета». Позднее многие из местных радиоредакций были ликвидированы.

В крупных городах Кузбасса работали собственные корреспонденты областного радио. Так, в Анжерке собкором был Иван Сокол, в Ленинке-Кузнецком – Михаил Стойкевич, который был, помню, непревзойденным ма-

стером оперативной информации. У нас шутили: «Стойкевич передаёт информацию о событии на час раньше самого события».

Думаю, уместно привести здесь фамилии всех председателей областного Комитета по радиовещанию (позднее – Комитет по радиовещанию и телевидению, потом – Комитет по телевидению и радио).

Первым этот пост в 1943 году занял Павел Осипович Бекшанский. В августе 1944 года его сменил Владимир Александрович Москалев (10.08.1944 – 01.09.51). По неизвестным мне причинам Москалев в 1951 году покончил жизнь самоубийством. Исполняющим обязанности председателя (01.09.51 – 15.10.51) стала Клавдия Петровна Евдокимова, работавшая главным редактором. Вскоре председателем была назначена Екатерина Александровна Исакова (15.10.51 – 04.08.52), при которой я и пришел в радиовещание. Бекшанский в то время был уже известен как талантливый фельетонист газеты «Кузбасс». Исакова вышла замуж и вслед за мужем уехала в Молдавию. Ей на смену пришла Клавдия Назаровна Павлова (04.08.52). Была она из партийных работников, в радиожурналистике, насколько я понимаю, была несведуща. Но была добрейшим человеком, в творческую работу не вмешивалась и, подписывая материалы к эфиру, следила лишь за их политическим соответствием.

В ноябре 1956 года руководителем радио был назначен Петр Михайлович Попов (17.11.56 – 08.12.69). Облрадиокомитет к этому времени был переименован в отдел радиоинформации при Управлении культуры облисполкома и оставался таковым до 14 января 1958 года, когда решением облисполкома он был снова преобразован в Комитет, но уже по радиовещанию и телевидению.

Попов пришел к нам тоже из обкома КПСС и, хотя имел журналистское образование (окончил редакторское отделение высшей партийной школы при ЦК КПСС), в творческом плане ничего интересного не представлял. Впрочем, это от него и не требовалось. Он осуществлял партийное руководство. Творческими делами занимался главный редактор. Был Петр Михайлович тихим и, по-моему, добрым человеком. Даже непонятно было, как такой человек мог во время войны, причем всю войну – с октября 1941 года и до ее окончания, служить в действующей армии в особых частях НКВД и в контрразведке!

Попова на посту председателя Комитета сменил Д. И. Култаев (08.12.69 – 17.03.80). До этого назначения Дмитрий Иванович в течение десяти лет работал директором студии телевидения, а в телевидение пришел с должности секретаря по идеологической работе Заводского райкома КПСС Кемерово. После Култаева председателем Комите-

та был назначен Юлиан Аронович Вишневский, бывший юрист, потом – корреспондент, главный редактор, директор студии телевидения.

Вишневского на посту председателя сменил Владислав Прокопьевич Бехтер (25.09.89 – 10.01.92). Бехтера – Геннадий Михайлович Митякин (14.01.92 – 26.11.94 и 30.06.95 – 26.03.96). До назначения председателем работал директором студии телевидения. Митякина на посту руководителя Комитета дважды – распоряжением губернатора М. Кислюка – сменял Михаил Львович Гребенников (26.11.94 – 30.06.95 и 26.03.96 – 22.07.97). Далее главой комитета был назначен Валерий Николаевич Чирков (05.08.97 – 31.08.2000).

С первого октября 2000 года и по настоящее время руководителем – теперь уже ГТРК «Кузбасс» – является Тамара Владимировна Алиева.

Но эти последние, особенно частые перемены происходили уже без меня. Я же пришел на радио при Е. А. Исаковой и ушел на пенсию (с телевидения) при Ю. А. Вишневском, пережив, таким образом, всего пятерых председателей.

МОЙ ДРУГ ВАСИЛИЙ ХОЛОДОК

Из всех, с кем я работал на радио и о ком хотел бы здесь рассказать, первым, безусловно, должен быть Василий Фёдорович Холодок. По многим причинам я трудно схожусь с людьми. Попав в новый коллектив, чувствую себя в нём напряженно. Василий Фёдорович, в отличие от других, не строил из себя мэтра, заговорил со мной как с равным, чем сразу же расположил к себе. Он был тем человеком, благодаря влиянию которого я изменил свои прежние устремления и стал впоследствии журналистом. Когда я делал первые шаги на этом пути, он был моим бескорыстным наставником. Наконец, он был тем человеком, который много лет, несмотря на существенную разницу в возрасте, дарил меня своей дружбой.

Как пришел в радиожурналистику сам Холодок, я доподлинно не знаю. Хотя основные факты его жизни мне известны, судьба ему выпала не лёгкая. Родился он, как писали тогда в анкетах, в семье крестьянина-бедняка в дореволюционном, 1916 году на Украине. В 1928 году его родители в поисках лучшей доли, как плановые переселенцы, переехали в Сибирь, вступили в колхоз. После деревенской семилетки Василий поступил в Кемеровское педучилище. Окончил его, был распределён в детский дом, где почти сразу стал его директором. Проработав года четыре, поступает в Томский университет на заочное отделение. Доучиться ему не пришлось: началась война. В июле

1941-го Холодок был призван и скоро оказался на передовой. Воевал на Западном фронте. В феврале 1942 года в боях за город Юхнов политрук батареи противотанковых орудий Василий Холодок был тяжело ранен. Долго лечился в госпитале, был комиссован и отправлен в запас.

В штате радио Холодок числился корреспондентом и делал передачу для детей «Пионерский сигнал», которую сам же и придумал. Был он человеком с виду хмурым. Сидит, набывчившись, за своим столом и сосредоточенно что-то пишет. Но вот в нашей большой комнате появляется кто-нибудь из внештатников – писатель Геннадий Молостнов, поэт-фронтовик Володя Измайлов, забежит подвижный, как ртуть, Витя Галдаев из многотиражки завода «Кузбас-электромотор» или придет солидный Давид Зубицкий из многотиражной газеты коксохимзавода. У каждого, кроме листка с «информашкой» для «Последних известий», куча новостей, а то и свежий анекдот. И вот уже гогочет мужская компания. Василий Фёдорович – среди них. Скуппо улыбаясь, а то и на полном серьёзе, сквозь который проглядывает хитроватый хохлацкий юмор, рассказывает какую-то байку.

Василий Фёдорович, похоже, решил взять надо мной это такое неформальное шефство, о чем я догадался не сразу. Сказать по правде, дикторская работа к этому времени утратила для меня первоначальную привлекательность, что ни говори, но это была всего лишь исполнительская работа, корреспондентская же сулила новые горизонты. К тому же Холодок настойчиво советует: ты должен писать...

Мы стали ездить с ним в совместные командировки. К этому подтолкнул нас новый, полученный радиокомитетом передвижной магнитофон «МЭЗ-8». Никто из наших литсотрудников без звукооператора на внестудийные записи не выезжал. У нас с ним сложилось иначе. Холодок имел склонности к радиотехнике и легко освоил работу на этом аппарате. Я же, как диктор и интервьюер, работал у микрофона.

В командировки по городам области ездили обычно поездом. Приезжаем, скажем, в Прокопьевск. От вокзала до городской редакции радио километра три. Зимой добываем санки, летом – тележку. Грузим нашу аппаратуру и в путь. Один тянет за верёвку, другой подталкивает сзади. В гостиницу устроиться было сложно. Ночевали тут же, в радиоредакции. Спали на диване, на столе, безо всякой постели, разумеется.

Наладив свою аппаратуру, мы тут же принимались названивать в парткомы предприятий, приглашать выступающих. В Прокопьевске «героями» наших передач всегда были шахтёры. Народ этот в большинстве своём был мало-

грамотным. А на радио (да и на больших собраниях) все говорили тогда только по бумажке. Выспросив у рабочего, как он добивается своих успехов, пишешь ему выступление. Потом Василий Фёдорович надевает наушники, садится за магнитофон. Мы с выступающим занимаем место у микрофона.

Иногда дело доходило до курьёза. Ну не может переводчик производства сколько-нибудь внятно прочесть написанные от руки листки! Тогда я брал в руки «его» текст и внятно, дикторским голосом, читал первую фразу. Затем я делал паузу, а выступающий добросовестно, со всеми моими интонациями повторял её. Таким же образом мы читали вторую фразу, третью... В Кемерове звукооператор брал в руки ножницы и клей, вырезал кусочки ленты с моим голосом, оставляя на фонограмме только голос выступающего. Вечером в эфир шло довольно гладкое выступление передовика.

Холодок считался опытным и надёжным работником. Была в нём и солидность, позволявшая на равных разговаривать с руководителями разных рангов, и мудрость опытного, много повидавшего в жизни человека.

ЯЛИН И ДРУГИЕ

Среди других «китов» облрадио тех лет нельзя было не заметить редактора, занимавшегося передачами о промышленности, Михаила Ялина. Невысокого роста, подвижный, экспрессивный, он был энергичен в работе и решителен в суждениях. Пришел Ялин на радио из Яшкинской районной газеты и ко времени моего появления там был уже ведущим радиожурналистом. Его творческий почерк особой оригинальностью не отличался, однако был он плодовит, еженедельно в эфире звучало несколько его материалов.

В каком-то советском фильме, не вспомню его названия, есть эпизод, когда приехавшие в деревню радиожурналисты записывают репортаж. Один из них, позвякивая перед микрофоном двумя гаечными ключами, вещает: «Мы находимся в поле... Тракторист такой-то прямо в бороде устраняет поломку. Иван Иванович, скажите, как вам удаётся добиваться...» и так далее. Когда я смотрел этот фильм, меня позабавила, но отнюдь не обидела едкая пародия на нас, радистов. Она не была безосновательной. Я тут же вспомнил, как у нас рассказывали про Ялина. В разгар сева, когда по крестьянскому присловью день год кормит, Миша приехал в один из колхозов делать очередной победный репортаж (иных тогда не делали). Магнитофон был тот, наш единственный «МЭЗ-8», который мы называли передвижным, а он, как известно, работал толь-

ко от электросети. В поле с ним делать было нечего. Звукооператор подключил аппарат в колхозной конторе. Шнур с микрофоном протянули через окно. Будучи весьма нахрапистым, Ялин потребовал, чтобы лучшего тракториста вместе со своим трактором пригнали к конторе. Средства массовой информации пользовались тогда непререкаемым авторитетом: партийная пропаганда, слушаться нельзя! Пришлось председателю скрепя сердце снимать с работы трактор и гнать его в деревню. Ялин велел трактористу переключать передачи, газовать и прочее, как будто он тянет в поле сцепку сеялок. Этот шум был наложен потом на короткий разговор с трактористом, с председателем и комментарии самого репортёра. Репортаж «С поля битвы за урожай» вышел в эфир, и все остались довольны. В том числе, думаю, и председатель колхоза. Слава – она ведь штука заманчивая.

Я и не думаю в чем-то упрекать Ялина. Он хотел сделать впечатляющий репортаж, а техника этого не позволяла. И в общем-то, инсценировки были обычным явлением и в радиожурналистике, и в документальном кино.

Радиожурналисты пятидесятих годов были доморощенные, из учителей, бывших газетчиков. Первым на моей памяти журналистом с университетским образованием был Александр Ивачёв. На радио он оказался случайно: приехал по распределению в газету, а вакантных мест там не оказалось. Его сунули на радио, с чем он не смирился и в конце концов ушел в газету «Кузбасс», где потом долго и плодотворно работал. Но за те год-два, что Саша был «радиостом», он оказал заметное положительное влияние на общую журналистскую культуру нашего коллектива. Накопилось много штампов. Мне как диктору надоело произносить одни и те же речевые обороты, повторяющиеся из материала в материал. Саша Ивачёв писал свежо и неожиданно, ярко и эмоционально. Читая его тексты, становилось ясно, что привычное – это еще не значит лучшее.

Из Москвы после университета приехал Виктор Болотников. И хотя его поначалу отправили собкором в Осинники, он и оттуда присылал материалы, написанные живым русским языком, их приятно было читать и слушать. Начальство поступило правильно, возвратив его вскоре в головную редакцию.

Несколько слов по поводу исчисления даты рождения Кемеровского радио.

В феврале 1983 года Кемеровское радио впервые отмечало свой День рождения, сорокалетие. Точкой отсчёта стала дата образования Кемеровской области, то есть 26 января 1943 года. Формально это, может быть, и верно, а по исторической сути – нет. Для кемеровчан радио, еже-

дневно передававшее последние известия, обзор городской газеты «Кузбасс», концерты самодеятельности, другие передачи, давно уже, задолго до войны, стало привычным явлением.

В начале 90-х годов ко мне обратились с предложением написать несколько статей, касающихся телевидения и радио для готовящейся к изданию «Исторической энциклопедии Кузбасса». Вышел только её первый том. Дальнейшее издание энциклопедии заморозили, подготовленные статьи не были напечатаны. Но вот сведения, добытые мной в процессе сбора материала.

Первые радиорепродукторы в Щегловске, бывшем тогда центром Кузнецкого округа, появились в 1928 году. Малоомощный 30-ваттный радиоузел ТУМ-30 был приобретен коксохимзаводом и находился в помещении заводской телефонной станции. В Народном доме, в бараках Нижней и Новой колонии, на Руднике было установлено около трёхсот «тарелок». Транслировались передачи из Москвы и Новосибирска. В начале 30-х годов радиоузел был передан Конторе связи и перенесен в здание городской почты, которая находилась на месте ресторана «Солнечный». Началась радиофикация центра города.

Рассказывали, что поначалу горожане боялись провонять радио в дом, считали это дьявольским наваждением. Чтобы рассеять заблуждение, городские власти командировали в Новосибирск известную в городе активистку, простую малограмотную женщину, личность вполне легендарную: мне ее называли Евфросиньей, у нашего летописца Ивана Балибалова она тётка Авдотья. Она выступила по радио и заявила, что это она, Фрося (тётка Авдотья), а никакой дьявольщины тут нет.

После переезда в Кемерово в 1936 году мы жили, по существу, на его окраине. Телеграфная улица, где родители поставили свой дом, перевезённый из деревни, тогда лишь только застраивалась. Но в 1937 году по электрическим столбам были протянуты провода радиовещания, и в нашем доме появился репродуктор, из которого по утрам и вечерам звучали местные передачи, прерывавшие на это время новосибирские и московские.

А в 1943 году произошло образование радиокомитета, по существу, лишь переименование городского радио в областное. Но ведь, скажем, газета «Кузбасс» не исчисляет свой век с 5 марта 1943 года, когда она, так же как и радио, получила областной статус!

Думаю, что началом деятельности Кемеровского радио следует считать день, когда впервые в микрофон было произнесено: «Говорит Кемерово». А это случилось, когда радиоузел был перенесен во Дворец Труда. Именно с

этого времени начались местные передачи на профессиональной основе.

К сожалению, мне пока так и не удалось установить точную дату. В областном архиве (ГАКО) таких документов нет. Искать их, очевидно, следует в архивах Новосибирска, так как город Кемерово до 1943 года входил в состав Западно-Сибирского края, с центром в городе Новосибирске.

ВЕЩАТЬ ИЛИ РАЗГОВАРИВАТЬ!

Радиовещание – словосочетание, давно уже ставшее привычным. Второе в нём слово «вещать» буквально означает: говорить что-либо значительное, важное. В пору моей работы на радио оно полностью соответствовало существовавшей практике. Радио было рупором государства, а государство наше было империей, во главе которой стоял «великий вождь». Он обладал таким единовластием, которое и не снилось никакому прежнему царю-императору. У Пушкина в «Борисе Годунове» есть точная формула: «Будь молчалив; не должен царский голос на воздухе теряться по-пустому; как звон святой, он должен лишь вещать великую скорбь или великий праздник». Для меня в этих словах есть что-то, что относится и к радиовещанию советского периода, оно чуралось пустого трёпа.

Но шло время, и мне стала претить эта, не всегда уместная выпренность слова и тона нашего радио. Стало замечаться стремление наиболее талантливых журналистов Всесоюзного радио к простой человеческой речи, к разговорной интонации.

Наиболее памятным для меня стал следующий случай.

В октябре 1957 года мне была поручена подготовка кемеровской части радиобозрения «По Западной Сибири», совместной программы радиокомитетов трёх областей – Кемеровской, Томской, Новосибирской и Алтайского края. Передача была организована недавно и являлась заметным новшеством. Каждый комитет старался представить в эту программу свои лучшие материалы. Я с увлечением занялся новой работой.

Вскоре мне в руки попало письмо одной женщины из Тисуля. Взволнованно, удивительно точными народными словами писала она о чудесном исцелении своей дочки, долгие годы из-за болезни ног передвигавшейся только с помощью мамы и костылей. Подумалось: как хорошо, если бы всё это так же вот просто и человечно прозвучало в эфире!

Выпросил командировку. И вот мы вдвоём со звукооператором В. Шамовым в Тисуле. Прежде чем ввиться по

указанному на конверте адресу, мы с Виктором разработали целую стратегию записи этого интервью. К тому времени у нас уже был портативный магнитофон, работающий на батарейках, что существенно облегчало нашу задачу. Но хорошо зная по опыту, как смущает людей микрофон, мы договорились спрятать его в рукавичку. К счастью, все наши ухищрения оказались излишними. Женщина, с которой мы познакомилась, была настолько непосредственной и общительной, что даже и внимания не обратила на нашу технику. В те времена, когда люди всё ещё жили с оглядкой, боялись лишнее слово проронить с незнакомым человеком, такая «выступающая» была редким везением журналиста.

Со слезами на глазах она рассказывала нам о горе, что, казалось, навсегда поселилось в этой комнате, о надеждах на исцеление, которые возникали и рушились одна за другой, и наконец о волшебнике, о замечательном докторе Елизарове, о встрече на вокзале, когда дочка сама, без костылей чуть ли не спрыгнула с подножки в объятия своей исстрадавшейся мамы...

Дома мы смонтировали 12-минутный репортаж. Главное место в нём занимал, конечно, рассказ женщины-матери. А заканчивался он одной-единственной фразой дочери: она сказала, что выходит замуж, и уже назначен день свадьбы.

В очередную субботу репортаж прозвучал в эфире и наряду с другими, отредактированными и отрепетированными «кадрами» (так назывались отдельные материалы в общей передаче) произвел сильное впечатление. Особенно на радиожурналистов. Мне звонил потом редактор «Обозрения» (штаб передачи находился в Новосибирске) и сказал: «Эффект был как от разорвавшейся бомбы!»

Я не хочу этим сказать, что было сделано какое-то открытие. Нет, о необходимости говорить в эфире человеческим, а не сухим газетным языком споры шли уже давно. Но всё-таки это была первая, хотя и местного значения, но все же победа над приверженцами «апробированного» текста в эфире.

Новая техника, новые люди, новые подходы к назначению самого радиовещания делали радиожурналистику более увлекательной. Но за речкой Искитимкой, на Суховском увале поднималась ввысь ажурная телевышка. Новое техническое чудо сулило совсем иные творческие возможности. Однажды, еще в детстве, покорённый театром, я томился «незрячестью» радио, мне хотелось «картинки».